

*Посвящается моим «Броди Бойз»:
вы и сами знаете, кто вы такие*

Пролог

СЕНТЯБРЬ 1981

Дорогой Мышонок!

Несколько забавных фактов, имеющих отношение к убийству: для уничтожения таких улик, как, например, брызги крови, можно воспользоваться колой, ибо содержащиеся в ней аскорбиновая кислота и соли угольной кислоты полностью растворяют кровь, не оставляя ни малейших следов.

Нет, убийство я пока не планирую. Но в целом тема очень интересная. Куда интересней тех предметов, которые мне предстоит изучать в этом триместре — математики, латыни, английского, французского. Вообще-то, английский мне даже нравится, вот только список литературы¹ для самостоятельного чтения просто ужасен: «Убить пересмешника»; Чосер; Барри Хайнс². И еще, разумеется, Шекспир.

¹ В Великобритании в английской школе язык (как родной, так и иностранный) и литература на этом языке преподаются как один предмет. — *Здесь и далее прим. перев., если не указано другое.*

² «Убить пересмешника» (1960) — роман американской писательницы Харпер Ли, за который она получила Пулитцеровскую премию. Джефри Чосер (1340–1400) — основоположник общеанглийского литературного языка и реализма в английской литературе. Барри Хайнс (1939–2016) — британский писатель; автор популярных романов и самых известных телесценариев.

Вечно этот Шекспир! Почему бы вместо него не предложить для разнообразия что-нибудь *забавное*? Что-нибудь остренькое?

И все-таки сегодня, Мышонок, ты мог бы мной гордиться. Я ничем себя не выдал. Никогда не болтай лишнего, никогда не плачь и никогда себя не выдавай — и тогда все у тебя в школе будет нормально. Ну и еще, конечно, надо стараться выглядеть крутым. И тогда ни у кого даже подозрений не возникнет, что я способен вести дневник. Вести дневник — это совсем не круто. Такими вещами занимаются только девчонки да маменькины сынки. И потом, дневник может *все* про тебя выболтать, может выдать тебя, именно поэтому я и собираюсь записывать разные свои мысли в таком дневнике, куда мои родители никогда даже не заглянут. Это будет новенький, только сегодня утром, в первый день осеннего триместра, выданный мне дневник ученика приготовительного класса школы «Сент-Освальдз». Таким образом, я стану тайно записывать свою историю, как бы одновременно оставляя ее у всех на виду, — примерно так можно спрятать труп на кладбище.

Родители в мой школьный дневник действительно никогда не заглядывают, разве что в самый конец, где красными чернилами выставлены оценки. Там почти всегда, словно ряд палаток, высятся высшие оценки: ААА. И пока там стоят эти «палатки», мне беспокоиться нечего. А уж наш классный наставник листать мой дневник точно не станет. Это я знаю наверняка. Наш классный — это мистер Стрейтли. Его школьное прозвище Кваз (от Квазимодо) — уж больно он похож на горгулью, да и классная комната у него на самом верху, в башне, под колокольней. Его вроде бы в шутку так прозвали, но мне эта «шутка» смешной вовсе не кажется. На самом деле мистер Стрейтли меня даже немного пугает. Так что вряд ли он мне когда-нибудь понравится.

В моей старой школе, «Нетертон Грин», классной наставницей у нас была мисс Макдональд, молодая, светло-волосая и очень хорошенькая; она носила индийские юбки и короткие сапожки. А мистер Стрейтли носит мантию, как и все здешние преподаватели, только у него она вечно в пыли и мелом перепачкана. Учеников он называет только по фамилии. И все мы здесь друг друга только по фамилии называем. Это одно из правил школы «Сент-Освальдз». А еще, согласно здешним правилам, нельзя бегать по коридорам и нужно следить, чтобы рубашка была обязательно заправлена в штаны.

Родители мне твердят, что на этот раз очень важно, чтобы я соблюдал *все* правила этой школы. Что «Сент-Освальдз» — это для меня *начало карьеры*. Что это *совсем не* «Нетертон Грин», а *начало новой жизни*. И это означает — никаких неприятностей и никаких хулиганских выходов. Никакого общения с *дурной компанией*. Никаких острых предметов. Никаких предосудительных игр. И всегда *полное соблюдение школьных правил*.

Ну, *всех-то* правил этой школы я, конечно, не знаю. В конце концов, у нас, учеников седьмого класса, впереди еще целых два года на то, чтобы спокойно вписаться в число тех, кто готовится к экзаменам на A-level¹, нормально успевать в классе, завести друзей, присоединиться к одной из спортивных команд — в общем, научиться *вязать паруса*. Это, между прочим, морской термин. Мой отец очень любит морскую терминологию. Вообще-то, раньше он хотел, чтобы я стал морским офицером, но служить на флоте я не могу в связи с *Мойм Состояни-*

¹ A-level (*сокр.* от *англ.* Advanced Level) в Великобритании — аттестационный экзамен, по результатам которого выдается сертификат об окончании программы классической школы, дающий право поступления в высшие учебные заведения. Подготовка к экзамену ведется в старших классах (16–18 лет).

ем. (Да, Мышонок, они называют это именно так: *Мое Состояние*.)

Мое Состояние означает, что некоторые вещи мне дома делать никогда не позволят. *Мое состояние* определяет и круг детей, с которыми мне можно дружить, и те игры, в которые мне можно играть; с ним связан даже выбор школы, в которой я теперь учусь. Собственно, мой отец предпочел именно «Сент-Освальдз», потому что, как он считает, это школа церковная, имеющая *строгий моральный кодекс*, а я, по всей очевидности, именно в этом и нуждаюсь. Возможно, отчасти он прав. И потом, какая радость нарушать школьные правила там, где они ничего *не значат*? В любой школе запрещается бегать по коридорам, так что на подобный запрет и внимания обращать не стоит. Это суцья ерунда. Если хочешь по-настоящему повеселиться, нужно нарушить куда более серьезные запреты.

О, тут, конечно, самое главное — *никогда не попадаться!* Нарушать правила весело до тех пор, пока тебя не прищучили. А это значит, что никогда и никому ничего нельзя рассказывать, даже своим лучшим друзьям, — впрочем, у меня-то их ни одного и нет. Во всяком случае, *больше* нет. Возможно, именно поэтому я и вываливаю все свои тайны тебе, Мышонок. Воображаемые друзья — как и друзья мертвые — ничего не разболтают. И никогда тебя не выдадут. Хотя было бы, наверное, неплохо найти единомышленника, разделяющего мои интересы. Такого же любителя нарушать правила, которому нравятся те же забавы, что и мне. Вот с ним мы бы от души повеселились. Как веселились когда-то с тобой в «Нетертон Грин».

Такой человек наверняка разделит бы со мной любую забаву. Например, убийство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Agnosco veteris vestigial flammae*¹.

Vergilius

Глава первая

КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА²
ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ «СЕНТ-ОСВАЛЬДЗ»

ОСЕННИЙ ТРИМЕСТР,
7 СЕНТЯБРЯ 2005

Ага, вот она вновь и возникла передо мной — школа «Сент-Освальдз», этакая метафора вечности, если, конечно, метафору можно увидеть наяву. Она вздымается, застилая горизонт, точно таинственный остров из какой-нибудь книги приключений «для мальчиков» — например, из Жюль Верна. Или, скажем, из Райдера Хаггарда, где злые туземцы постоянно подкрадываются к воротам Запретного Города. Островерхую школьную башню с колокольней можно увидеть еще с дороги; только в ней никогда не было колокола, и она служит излюбленным убежищем для голубей, а в по-

¹ «Узнаю следы прежнего огня» (*лат.*). Вергилий, «Энеида», IV, 23. — *Прим. ред.*

² Классическая школа (Grammar school) в Великобритании — государственное или частное учебное заведение для детей от 11 до 18 лет, окончивших начальную школу и прошедших отборочные испытания (так называемый экзамен «eleven-plus»). Дети, получившие высокую оценку на экзамене, поступают в шестой класс (sixth-form), где учатся обычно 2 года — в «младшем» (lower sixth) и «старшем» (upper sixth) шестом классе. Затем они продолжают обучение в старших классах (еще два года), где ведется подготовка к сдаче аттестационных экзаменов A-level. Успешное окончание классической школы дает право на поступление в высшие учебные заведения. Классическая школьная программа предусматривает изучение древнегреческого и латинского языков, в отличие от программ средней современной школы (Secondary modern school) или технической школы (Technical school).

следнее время еще и мышей. За башней тянется длинный хребет крыши над Средним коридором, где горит яркий свет, а чуть дальше виднеется освещенный фасад часовни, из круглого окна-розетки которой на обсаженную липами дорожку падают дрожащие, ускользающие лучи.

Наконец-то я дома, говорю я себе; эти слова звучат в моей душе и как благословение, и как проклятие.

Старый глупый дурак, тут же сердито упрекаю я себя, чувствуя, что этот внутренний голос до странности похож на голос моего коллеги и давнего противника доктора Дивайна по прозвищу Зелен-Виноград. Мне в День Гая Фокса¹ исполнится шестьдесят шесть, и брюхо мое, для которого в брюки требуется вдевать все более длинный ремень, уже успело поглотить аж сто два школьных триместра — так разве теперь что-то сможет удержать меня вдали от «Сент-Освальдз»?

А и впрямь, что? Хороший вопрос. Пожалуй, работа для меня стала чем-то вроде наркотика. Однако она помогает мне жить дальше — как и время от времени выкуренная тайком, прямо в классе, сигарета «Голуаз». Как и те пилюли «от сердца», которые мне прописал мой лечащий врач после небольшой прошлогодней неприятности; он же заодно снабдил меня множеством совершенно лишних советов насчет курения, стрессов и чрезмерного увлечения кондитерскими изделиями.

Этот врач тоже когда-то был моим учеником (в нашем районе Молбри, именуемом Деревней, они прямо-таки кишат), и поэтому мне сложно всерьез воспринимать даже

¹ День Гая Фокса (Guy Fawkes Day), или Ночь Гая Фокса (Guy Fawkes Night), или Ночь Костров (Bonfire Night) — вечер 5 ноября, когда по традиции отмечают раскрытие «Порохового заговора» (Gunpowder Plot, 1605), устроенного католиками под предводительством Гая Фокса (1570–1606) с целью убийства английского и шотландского короля Якова I. В Великобритании Ночь Костров — праздник традиционный и отмечаемый очень широко, но не государственный.

самые разумные его советы, хотя он и дает их от всего сердца, искренне желая помочь. Я это понимаю и изо всех сил стараюсь ему не перечить. Но стрессы — неизбежная составляющая преподавательской работы. И потом, во что превратится наша старая школа без меня? Тридцать четыре года я прослужил на этом корабле. Я знаю его вдоль и поперек. Я был там учеником и учителем; юным практикантом и классным наставником; я заведовал кафедрой классических языков, а теперь превратился в Старого Центуриона¹. Так что даже если начальству что-то и не нравится в моих методах преподавания, то его желание сместить с должности старого Стрейтли равносильно попытке сбить с крыши нашей часовни одну из горгулий; впрочем, у начальства всегда хватало ума со мной не связываться. В прошлом году я оказал школе одну услугу — тот год, имевший столь многообещающее начало, в итоге стал поистине *annus horribilis*², — а затем мои ученики показали на экзамене по латыни самые высокие результаты с 1989 года. Хотя, признаюсь, в тот момент я был весьма близок к тому, чтобы сложить руки и сдаться. Но тут на школу обрушились все эти беды — убийство, скандал, обман, мошенничество, — и наш старый корабль буквально швырнуло на скалы. Разве мог я бросить «Сент-Освальдз» и его разложившуюся команду, оставить ее на растерзание падальщикам?

И вот я снова здесь; и за два дня до официального начала занятий я поливаю в своем классе цветочки и привожу в порядок рабочий стол (во всяком случае, именно такова была моя первоначальная цель) — в общем, планирую военную кампанию ближайшего года с коварством и точностью

¹ Центурион, или командующий центурией, — звание, примерно соответствующее младшему офицерскому званию в современной армии, но по социальному положению римские центурионы принадлежали к солдатам; мистер Стрейтли намекает, что теперь занимает в школе примерно такое же положение.

² Ужасный год (*лат.*).

мудрого императора Марка Аврелия¹. Во всяком случае, я очень надеюсь, что именно так и подумают мои коллеги, когда явятся сегодня на традиционное общешкольное собрание и обнаружат, что я преспокойно восседаю у себя «на колокольне» с сигаретой в руках и уже успел самым внимательным образом ознакомиться и со списками новых учеников, и с расписанием на грядущий триместр, и со всевозможными сплетнями, в том числе и довольно грязными, — в общем, со всем тем, чем питается «Сент-Освальдз», подобно кладбищенским королям прошлого.

Будучи сам типичным инсайдером, значительной частью получаемой мною информации я обязан своему главному и единственному источнику, некоему Джимми Уатту. Он — мое тайное оружие. После прошлогодних событий Джимми был не только восстановлен на работе, но и получил повышение, и теперь его должность называется «помощник привратника». Интеллектом Джимми, конечно, не блещет, но парень он вполне здравомыслящий и руками работать умеет. Кроме того, Джимми мне кое-чем обязан, так что теперь из его уст я получаю такие сведения, в которых отказано многим моим коллегам, даже занимающим более высокое положение.

— Доброе утро, босс! — Круглое добродушное лицо Джимми так и сияло улыбкой. — Хорошо отдохнули?

— Да, спасибо. — Я пытаюсь вспомнить, когда куда-нибудь ездил во время каникул в последний раз. Если, конечно, не считать ту школьную поездку во Францию в 1978 году, когда Эрик Скунс повел мальчишек пешком посмотреть на Сакре-Кёр ночью, пребывая при этом в блаженном неведении, что путь к знаменитой базилике проходит как раз через знаменитый парижский район «красных фонарей».

¹ Марк Аврелий (лат. Marcus Aurelius Antoninus; 121–180) — философ, автор «Размышлений», последний из славной плеяды великих цезарей Древнего Рима. — *Прим. ред.*

Полагаю, у меня, должно быть, все-таки *был какой-то отпуск* — если, конечно, можно назвать «отпуском» весьма нудный кусок времени, отягощенный постоянными атаками ос, крикетом, обнаженными людскими торсами, бесконечными грозами и ливнями, совершенно не свойственными летним месяцам, полдненным чаем и тиканьем часов на каминной полке, словно отсчитывающих долгие сонные дни. Тут же явилась мысль: *Великие боги, до чего же хорошо наконец-то вернуться домой!* Но надолго ли? Еще на один триместр? Еще на год? А что дальше? Что потом?

Сплошные каникулы, полагаю. От безделья рукоделье. Чтение романов. Возможно, небольшой участок земли, выделенный под огород, где-нибудь на дальнем конце Эбби-роуд; там я буду выращивать ревень и слушать радиоприемник. В общем, разнообразные хобби. И насмешливые разговоры в пабе. И, может быть, судоку (что бы *это слово* ни значило). Короче, все то, что я без конца откладывал во имя долга, когда еще мечтал о подобных вещах. Весьма депрессивная перспектива, надо сказать. Преподаватель «Сент-Освальдз» не имеет времени на всякие глупости, да и слишком поздно мне уже развивать вкус к подобным вещам.

— Да, снова в банку с вареньем, — сказал я и улыбнулся, чтобы Джимми понял, что я шучу¹. — Готовимся к новым трудовым подвигам. А ведь можно, пожалуй, подумать, что все это мне *ужасно нравится*.

Джимми засмеялся — его смех похож то ли на гогот диких гусей, то ли на звук автомобильного рожка. Ему, наверное, мои шутки кажутся странными; но ведь он еще так молод, и у него, разумеется, свои шутки и развлечения — каковы бы они ни были, — да и огромный белый кит по

¹ Стрейтли цитирует сказку «Об отце, мальчике и пальчике» румынского писателя Октава Панку-Яша (род. 1929).

имени «Сент-Освальдз» еще не успел полностью его поглотить и переварить.

— Что слышно о нашем новом директоре?

— Он уже у себя. Я видел его машину.

— А коллективу он так и не представился? Неужели даже в учительскую на чашку чая не заглянул?

Джимми только усмехнулся и покачал головой. Наверное, он все-таки решил, что я снова шучу. Однако хороший директор школы успевает познакомиться с командой своего корабля до того, как возьмет в руки штурвал; а команда — это не только преподаватели, но и уборщики, привратники, *а также* те женщины, что готовят и подают чай. Хороший директор, как и всякий хороший руководитель, ценит рядовой и сержантский состав никак не меньше, чем офицерский. И все же нашего нового директора, назначенного еще в начале июня, мы практически не видели. А если и видели, то в лучшем случае мельком. Собственно, мы знали его только по имени и — до некоторой степени — по репутации. Но лишь немногие привилегированные видели его в лицо. Слухи, однако, вились и клубились. Какие-то важные встречи проводились за закрытыми дверями директорского кабинета; шепотом сообщалось, что нашу работу сочли *академически несостоятельной*, а школу — банкротом; все это выявила некая далеко не дружественно настроенная школьная инспекция, что — в совокупности с поистине возмутительными результатами экзаменов, худшими за всю историю школы, — и привело к тому, что нам был выставлен самый низкий балл, и теперь нас ждала некая «антикризисная интервенция».

Ужасные события прошлого года — убийство одного из учащихся, нападение и ранение ножом преподавателя, а также скандал, расколовший пополам нашу учительскую, — до сих пор эхом звучат в закоулках школы. Кроме того, минувший год принес немало и других неприят-

ностей. После тех прискорбных событий нам в итоге пришлось расстаться с Пэтом Бишопом, старшим помощником капитана нашего старого судна; и после его ухода среди рядового и сержантского состава то и дело вспыхивали беспорядки, открыто высказывалось недовольство, а то и прямое неповиновение, и Боб Стрейндж — второй помощник капитана, умный администратор, но с людьми обращаться совершенно не умеющий, — тщетно пытался удержать нашу старую галеру на плаву; он то начинал активно внедрять компьютеры, то заставлял всех посещать курсы менеджмента, то приглашал к нам различных консультантов.

Однако никаких результатов это не давало. Наш тогдашний капитан, то есть прежний директор, не привыкший по-настоящему командовать судном, лишь беспомощно барахтался в захлестывавших палубу волнах, и в рядах его подчиненных о нем стали звучать весьма нелестные отзывы. Кое-кто и вовсе ушел из школы; многие стали работать спустя рукава, и в июне правление школы пришло к выводу, что нам необходима «срочная реструктуризация аппарата управления». Или, выражаясь простыми словами, нашему старому директору была предложена чаша с цикутой.

Не то чтобы меня так уж волновала судьба этого человека. Одного чиновника назначат, другого уволят. Тем более старый директор за шестнадцать лет мало чего сумел добиться для школы, а уж для себя и того меньше. Согласно традиции «Сент-Освальдз», только что назначенного главу школы все называют исключительно «новым директором», пока он не заслужит уважение всей команды. А наш *старый* директор, не сумев это уважение заслужить, так, в общем, и остался «новым». Это был типичный представитель государственной школы, причем довольно серый, предпочитавший заниматься всякими мелочами вроде незначительных отступлений от принятого в «Сент-Освальдз» дресс-кода,